

Майк Нереальный

Дорога в никуда

18+

Майк Нереальный
Дорога в никуда

«Автор»

2026

Нереальный М.

Дорога в никуда / М. Нереальный — «Автор», 2026

Каждая машина хранит тайну. Убитая подвеска, гнилой порог, турбина на последнем издыхании – Артём Королёв читает железо как открытую книгу. Бывший угонщик, прошедший колонию, он теперь честно перекупает битые авто, мечтая накопить на билет до Америки. Но однажды объявление на Авито меняет всё: BMW X3 за бесценок продаёт девушка с разбитой губой и пустыми глазами. «Дорога в никуда» – это жёсткий, пробивающий насквозь роман о мужчине, который не верил в счастье, и женщине, которая забыла, что такое свобода. Здесь подробные сцены драк, честный авторемонт от первого лица, откровенная эротика без цензуры и пуля, которая летит ровно до тех пор, пока ты не скажешь: «Я люблю».

© Нереальный М., 2026

© Автор, 2026

Майк Нереальный

Дорога в никуда

ДОРОГА В НИКУДА

Книга первая. УГОНЩИК

Пролог. Запах свободы

Бензин. Вот что запомнил Артём Королёв из самого раннего детства. Бензин, смешанный с пылью и раскалённым асфальтом, въедающийся в ноздри, остающийся на губах, пропитывающий одежду насквозь. Отец работал водителем фуры, и когда мать не видела, сажал трёхлетнего Артёма на колени и давал подержаться за огромное баранье колесо «КамАЗа». Мальчик чувствовал, как вибрирует под пальцами тяжёлая машина, как гудит дизель где-то внизу, под полом, как весь мир сужается до дороги, которая бесконечной серой лентой уходит за горизонт.

— Вырастешь — шофером будешь, — говорил отец, глядя его по голове жёсткой ладонью, пропахшей соляжкой и машинным маслом. — Нет лучшей доли, чем сидеть за баранкой и не думать ни о чём, кроме газа и тормоза.

Артём верил. Он готов был стать шофёром, дальнобойщиком, гонщиком — кем угодно, лишь бы всегда чувствовать этот запах свободы.

Но отец не дожил до его десятилетия. Инсульт случился прямо за рулём — фура съехала в кювет, отец умер в реанимации, так и не придя в сознание. Мать, худенькая женщина с вечно испуганными глазами, устроилась уборщицей в школу, и жизнь покатила под откос. Денег не хватало на еду, не то что на велосипед или мопед. Артём смотрел, как другие мальчишки гоняют на «питбайках» и старых «Явах», и завидовал чёрной завистью.

В тринадцать он умел разобрать и собрать двигатель «Жигулей» — научился по журналам «За рулём», которые выменивал у соседа-механика на груды металлолома, собранные на пустырях. В четырнадцать — угнал первый автомобиль.

Не по злomu умыслу, нет. Просто увидел во дворе ниву, из которой торчали ключи. Сел, повернул, завёл. Проехал квартал, бросил у подъезда. Адреналин ударил в голову так, что он не мог дышать от восторга. С этого всё началось.

Глава 1. Первый раз

Лето 2007 года было жарким и сухим. Москва задыхалась от смога — горели торфяники, солнце висело багровым шаром, и дышать было нечем. Артёму только что исполнилось четырнадцать, он носил длинные чёлки, узкие джинсы и рваные кеды, считая себя крутым, хотя на самом деле был просто долговязым, неуклюжим подростком с прыщавым лицом и вечно грязными руками.

Его друг Роман — здоровый, на год старше, с квадратной челюстью и бычьей шеей — работал грузчиком в овощном ларьке и мечтал о собственной «девятке». Рома жил в соседнем доме, и они вместе лазали по чердакам, курили «Приму», украденную у родителей, и обсуждали девочек, которых боялись даже трогать.

— Слышь, — сказал Рома однажды вечером, когда они сидели на скамейке у подъезда и пили дешёвое пиво из горла. — А ты мог бы угнать тачку?

— Какую? — спросил Артём, изображая спокойствие, хотя внутри всё перевернулось.

— Да любую. Вон «шестёрка» у второго подъезда стоит. Хозяин — алкаш, ключи в бардачке бросает. Говорят, он ночью спит как убитый.

Артём посмотрел на старый, ржавый ВАЗ-2106, припаркованный у мусорных баков. Машина была убитая — облезлая краска, вмятина на крыле, шины лысые. Но для первого раза — сойдёт.

— Погнали, — сказал он, допивая пиво.

Это было глупо, дико, опасно — но когда они подошли к машине, и Артём потянул за ручку двери (не заперто), когда он сел за руль (обивка порвана, пахнет перегаром и старыми тряпками), когда его пальцы легли на ключ зажигания (поцарапанный, дешёвый, с брелоком в виде обезьянки) — время остановилось.

Двигатель завёлся с третьей попытки. Рома залез на пассажирское сиденье, тяжело дыша.

— Трогай, давай!

Артём выжал сцепление — педаль провалилась куда-то вниз, мягкая, как вата. Включил первую передачу, газанул. Машина дёрнулась, заглохла.

— Мать твою! — заорал Рома.

— Молчи, — прошипел Артём, перезавёл. На этот раз всё получилось — двигатель взревел, колёса чиркнули по асфальту, и «шестёрка» вылетела со двора, подпрыгивая на разбитой дороге.

Артём никогда не чувствовал ничего подобного. Адреналин хлынул в кровь, мир стал ярче, резче — фары встречных машин слепили, как прожекторы, ветер в открытое окно бил по лицу с силой урагана, двигатель выл и захлёбывался, но в этом вое была музыка. Музыка свободы.

Они проехали три квартала, свернули в промзону, бросили машину у гаражей. Артём выключил зажигание, опустил голову на руль. Сердце колотилось где-то в горле.

— Ну, ты даёшь, — выдохнул Рома, хлопая его по плечу. — Ты... ты гений!

— Заткнись. — Артём поднял голову. В зеркале заднего вида отражалось его лицо — белое, с горящими глазами, с капельками пота на лбу. — Никому ни слова. Понял?

— А то! Но смотри — ключи на место отнести надо. А то хозяин хватится, менты приедут.

— Сам отнесу. Сиди здесь.

Артём вышел из машины, ноги дрожали. Он прошёл к подъезду алкаша, бросил ключи в почтовый ящик — так, чтобы тот нашёл утром. И вернулся к Роме.

— Всё. Теперь валим.

Они ушли через дворы, никто их не видел. Ночь пахла гарью и страхом. Артём лёг в кровать, но не спал до утра — прокручивал в голове каждую секунду: как заводил, как переключал передачи, как поворачивал руль. И понял: это его наркотик. Более сильный, чем пиво, ворованные сигареты или даже девчонки.

Глава 2. Школа и воровство

Осенью начались систематические угоны. Артём и Рома нашли ещё троих пацанов — Серёгу, мелкого и юркого, который умел вскрывать любые замки скрепкой, и двух братьев-близнецов, Вову и Сашу, которые играли в футбол и были готовы на всё, лишь бы не сидеть дома с пьющими родителями.

Группировка называлась смешно — «Автостоп». Они собирались в заброшенном строительном вагончике за гаражами, пили портвейн и обсуждали планы. Цели выбирали по простому принципу: старые отечественные машины, которые плохо охраняются, лучше всего — «шестёрки», «семёрки», «девятки». Позже перешли на иномарки начала девяностых — Ford Scorpio, Opel Vectra, Audi 80. Их было легче взломать, чем современные, и запчасти стоили дороже.

Артём быстро стал лидером — он лучше всех чувствовал автомобиль, мог завести его без ключа (замкнув провода под рулевой колонкой), мог определить по звуку двигателя, какие проблемы скоро возникнут. Ему было всего пятнадцать, но он знал про машины больше, чем иные механики с двадцатилетним стажем.

За полгода они угнали двенадцать машин. Никогда не продавали целиком — разбирали на запчасти в гараже у дяди Коли, старого пьяницы, который брал тридцать процентов и ни о чём не спрашивал. Детали сбывали на авторынке, через перекупщиков. Деньги — копейки, но для пацанов это было состояние. Артём отдавал половину матери, придумывая легенды про подработку грузчиком.

Но адреналин заканчивался. Им хотелось большего. Скорости, риска, драйва. Они начали угонять машины не для разбора, а для ночных гонок.

Глава 3. Красная «девятка»

Самый запоминающийся угон случился в декабре. Мороз под тридцать, снег скрипит под ногами, на дорогах гололёд. Артём высмотрел во дворе на окраине Красную «девятку» с тонированными стёклами и литыми дисками. Машина была ухоженная — видно, хозяин любил. Но в замке зажигания торчали ключи — самоубийство.

— Не надо, — сказал Рома, когда они подошли. — Что-то мне не нравится.

— Будет весело, — ответил Артём.

Он сел за руль, завёл. Двигатель работал ровно, печка грела отлично. Машина была как новая — всего три года, пробег пятьдесят тысяч. Артём включил магнитола, заиграла песня «Любэ» — «Там, за туманами». Он прибавил громкость и нажал на газ.

Выехали на МКАД. Скорость сто двадцать, сто тридцать. Рома сидел сбоку, вцепившись в ручку двери, и молчал. Артём чувствовал, как машина слушается каждого движения руля, как колёса цепляются за скользкий асфальт, как ветер свистит в щелях.

— Тормози, урод! — заорал вдруг Рома.

Сзади зажглись синие проблесковые маячки. Пост ДПС — они проскочили его на красный? Артём не заметил. Сердце ухнуло в пятки.

— Легавые! — крикнул он, вдавливая педаль газа в пол.

Погоня началась в 23:15. Артём гнал по МКАД, петляя между машинами, вылетая на обочину, обгоняя по правому ряду, где никогда нельзя обгонять. ДПС-шная «Приора» не отставала — мигалки, сирена, голос из мегафона: «Ноль-девять-семь, остановитесь!»

— Не останавливайся! — орал Рома, бледный как мел.

Артём и не собирался. Он свернул на съезд в область, вырубил фары, поехал в полной темноте, ориентируясь только на свет звёзд и интуицию. Сзади погасли мигалки — оторвались.

Они ехали по просёлку минут двадцать, пока не заглох двигатель — кончился бензин. Артём вылез, сел в снег, обхватив голову руками. Рома стоял рядом, курил дрожащими пальцами.

— Нас запомнили, — сказал он. — Номер машины. Тачку надо бросать.

— Бросай.

Они ушли пешком через лес, мёрзли, падали, но через три часа добрались до города. Дома Артём рухнул на кровать и провалился в сон без сновидений.

А наутро в дверь позвонили. Трое в штатском, показали удостоверения: капитан Поляков, лейтенант Смирнов (тот самый, будущий спаситель), и ещё один, безымянный.

— Ты Королёв Артём? — спросил капитан.

— Нет, — ответил Артём.

— А похож. Знаешь красную «девятку», которую угнали вчера?

— В первый раз слышу.

Капитан вздохнул, достал телефон, показал фото — камера зафиксировала его лицо, когда он заправлялся на заправке за час до угона.

— А это что?

Артём понял — игра кончена.

— Я всё расскажу, — сказал он. — Только маму не трогайте.

Мать стояла в дверях кухни, зажав рот ладонью. Она ничего не сказала. Только заплакала, когда Артёма увели.

Глава 4. Следствие и суд

Следствие длилось три месяца. Артём сидел в СИЗО «Матросская Тишина» — сначала в общей камере, потом, когда он рассказал про все угоны и назвал сообщников, его перевели в одиночную. Рома сдал всех сам — его взяли на следующий день, и он сломался после первого же допроса. Братья-близнецы сбежали к тётке в Рязань, их поймали через неделю. Серёгу-взломщика посадили в ту же колонию, но позже.

Артёму вменяли двенадцать эпизодов — угон, незаконное завладение автомобилем, причинение крупного ущерба. Адвокат, назначенный государством, спал на заседаниях. Артёму было шестнадцать — несовершеннолетний, но уголовная ответственность за такие статьи наступала с четырнадцати. Грозило от двух до пяти лет колонии для несовершеннолетних.

— Скажи, что ты не знал, что это уголовное преступление, — учил его адвокат перед судом. — Что ты просто хотел покататься. Что ты вернул ключи.

— А если не поверят?

— А поверят — потому что ты первый раз, чистосердечное признание, сотрудничество со следствием.

Судья была женщина — невысокая, строгая, в очках с толстыми стёклами. Она выслушала прокурора, который требовал четыре года колонии, выслушала адвоката, который просил условный срок, посмотрела на Артёма поверх очков.

— Королёв, — сказала она. — Ты понимаешь, что ты сделал?

— Понимаю, — ответил Артём, глядя прямо в глаза. — Но я не хотел никому зла. Я просто... я просто любил машины.

— Любовь к машинам не оправдывает двенадцать угонов.

— Я знаю. И готов отвечать.

Она приговорила его к трём годам воспитательной колонии общего режима. Условно-досрочное освобождение — через два года. Артём кивнул, поблагодарил и пошёл в конвойную комнату, не оглядываясь.

Мать плакала на скамейке в коридоре. Когда его уводили, она схватила за руку.

— Сынок... я не уберегла.

— Всё будет хорошо, мам, — сказал он. — Я вернусь. И больше никогда не угоню машину.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он сдержал слово. Больше он не угнал ни одной машины. Но в колонию попал — и там всё изменилось.

Глава 5. Колония (первые три месяца)

Воспитательная колония для несовершеннолетних располагалась в глухой деревне под Рязанью — высокий забор с колючей проволокой, вышки с автоматчиками, бараки из серого кирпича. Внутри — запах хлорки, казённого белья и отчаяния.

Артёма определили в отряд № 4, «новички». Здесь сидели малолетки в возрасте от четырнадцати до восемнадцати — за грабёж, разбой, убийства, кражи, изнасилования. Артём был среди них самым молодым и самым «лёгким» — угонщик, не насильник.

Первые дни он молчал, втянув голову в плечи. Работа — шитьё мешков для картошки. Спать — в общей спальне, на железных кроватях с тонкими матрасами. Еда — баланда из капусты, кусок хлеба, кружка чая.

Иерархия строилась по понятиям. «Петухами» становились те, кто совершил половое преступление, или те, кто не смог дать сдачи. «Быками» — те, кто сидел за тяжкие, но не опускался. «Чертями» — уголовники, которые работали на администрацию.

Артём оказался в самом низу — но не «петухом». Его терпели, пока он не мешался. Но однажды случилось то, что переломило всё.

Вечером, в душевой, к нему подошёл здоровенный парень по кличке Кукла. Кукле было восемнадцать, он сидел за разбойное нападение на инкассаторов. На его теле татуировки покрывали каждый сантиметр — купола, кинжалы, черепа, надписи блатным шрифтом.

— Эй, шкет, — сказал Кукла, схватив Артёма за загривок. — У тебя заварка есть? Неси сюда.

Заварка — привилегия. Артёма её не давали, но Кукла требовал невозможного.

— Нет у меня заварки, — ответил Артём, стараясь не дрожать голосом.

— Нет? А это что? — Кукла вытащил из кармана Артёмовых штанов пакетик чая, который тот прятал на чёрный день. — Ну, всё, шкет. Приехал.

Кукла ударил — кулаком в солнечное сплетение. Артём согнулся пополам, потерял дыхание. Второй удар — в лицо, разбил губу, хлынула кровь. Третий — в переносицу, хрустнуло, и мир взорвался болью.

Кто-то из старожилов крикнул: «Кукла, хватит! Новенького убьёшь!» Но Кукле было плевать. Он навалился сверху, схватил Артёма за горло.

И тогда Артём сделал то, чему не учился. Он вцепился зубами в ухо Куклы — и рванул. Кусок хряща и плоти остался у него во рту. Кукла заорал, отскочил, зажимая окровавленную голову.

— Ты... ты тварь! Я тебя замочу!

— Попробуй, — прохрипел Артём, выплёвывая ухо на грязный пол.

В душевой воцарилась тишина. Старшие переглянулись. Подошёл "авторитет" по прозвищу Шнобель — низкий, коренастый, с огромным шрамом через всё лицо. Он поднял с пола ухо Куклы, повертел, хмыкнул.

— Этот парень, — сказал Шнобель, кивая на Артёма, — он не «петух». Он — чертёнок. Кукла, будешь его трогать — я тебя лично в сортире закопаю. Понял?

Кукла кивнул, затравленно оглядываясь. С тех пор к Артёму никто не приставал. А Шнобель взял его под своё крыло.

Глава 6. Шнобель

Шнобелю было тридцать два, он уже отсидел двенадцать лет за двойное убийство, но в колонии для несовершеннолетних держали и взрослых, которые работали «воспитателями» — на самом деле смотрящими за порядком за определённые блага. Шнобель был из таких.

Каждый вечер после отбоя он подзывал Артёма к себе — в угол спальни, где не видели камеры. Доставал из тайника кусок сала, хлеб, иногда бутылку спирта, разбавленного водой.

— Ешь, пацан, — говорил он. — Худой как дрищ. Силы тебе нужны.

— Зачем? — спрашивал Артём.

— Выживать. Тюрьма — это школа. Не выучишь уроки — сдохнешь. Я научу тебя драться, стрелять, бить без свидетелей. Научу не бояться боли и смерти. За это ты потом отдашь долг — когда выйдешь.

— Какой долг?

— Никакой. Просто станешь нормальным человеком. Не как эти... — Шнобель кивнул в сторону спящих эков. — Не опустишься. Будешь помнить: главное — свобода. И человек рядом. Остальное — грязь.

Артём слушал, запоминал. Шнобель был для него и отцом, и учителем, и психологом. Он учил драться — не кулаками, а руками, ногами, головой, зубами. Учил, что в драке нет правил: бей в пах, в горло, в глаза, ломай пальцы, выбивай колени. Учил, что лучший бой — тот, которого не было, но если начался — заканчивай быстро и жестоко.

Оружие — нож, пистолет, заточенная ложка — всё, что под рукой. Шнобель рассказывал, как на зоне вытачивал «перо» из арматуры и как однажды зарезал обидчика тремя ударами — в сердце, печень, лёгкое.

— Страшно? — спросил он однажды, заметив, что Артём побледнел.

— Страшно.

— Правильно. Страх — твой друг. Он заставляет думать. Но никогда не показывай его. Враг почувствует страх и растерзает.

За два года Шнобель превратил Артёма в тренированного бойца. Не в качка — в бойца. Быстрого, гибкого, безжалостного. Артём уже не боялся боли — он научился отключать её, концентрироваться на действии.

Однажды Кукла снова попытался пристать — подловил в столовой, прижал к стене. Артём ушёл в сторону, схватил тарелку, разбил её о край стола и острым краем полоснул Куклу по руке. Неглубоко, но больно.

— Ещё раз — по горлу, — сказал Артём тихо.

Кукла отступил. Больше они не пересекались.

Глава 7. Первая любовь в колонии

Воспитательная колония отличалась от взрослой тем, что здесь были девушки — в отдельном отряде, но на прогулках, в клубе, в столовой они пересекались. Артём заметил её через месяц после того, как его перевели из «новичков» в основной отряд. Её звали Настя — восемнадцать лет, сидела за хранение наркотиков (подставил парень). Длинные русые волосы, заплетённые в косу, тонкая фигурка, серые глаза, в которых горел огонь.

Они встретились в клубе на просмотре фильма — «Брат 2», старый, заезженный. Артём сидел на скамейке в третьем ряду, она — через два места. Во время песни «Полковнику никто не пишет» их взгляды встретились.

— Привет, — сказал он, когда фильм кончился.

— Привет, — ответила она.

— Тебя как зовут?

— Настя. А тебя?

— Артём.

Разговорились. Оказалось, она из Твери, отец погиб в Чечне, мать спилась. Ей некуда было возвращаться. Артём рассказывал про машины, про мечту об Америке. Она смеялась, но верила.

— Ты выйдешь, — сказала она. — И поедешь. У тебя получится.

— А ты?

— Я останусь здесь. Надолго.

— Выйдешь — напиши. Я тебя найду.

Она покачала головой. Но перед тем, как их развели по отрядам, быстро поцеловала в щёку — горячо, влажно, пахло дешёвым мылом и девчачьим потом.

Это был первый поцелуй Артёма. Он помнил его всю жизнь.

Настя вышла через четыре месяца, сразу после его освобождения. Он написал ей письмо — через общих знакомых. Она не ответила. Через год он узнал, что она вышла замуж за какого-то бизнесмена и уехала в Испанию.

Боль была недолгой. Но осадок остался — научил его не привязываться к людям, которые могут исчезнуть. Научил ценить тех, кто остаётся.

Глава 8. Освобождение

Два года пролетели как один день. Артём вышел по УДО в восемнадцать лет — невысокий, жилистый, с холодными глазами и спокойной улыбкой. На теле — несколько татуировок, сделанных на зоне самодельной машинкой: на груди — ворон, символ мудрости, на плече — звезда, означающая, что он не опустил. На спине — надпись «Свобода или смерть» на латыни.

Встречать приехала мать — постаревшая, с седыми волосами и трясущимися руками. Она обняла его, заплакала. Он обнял её, чувствуя, как кости хрустят под его руками — такая она стала хрупкой.

— Я устроилась на вторую работу, — сказала она. — Накопила тебе на съёмную квартиру.

— Мам, не надо. Я сам.

— Артём... ты не умеешь жить на свободе. Ты вырос в тюрьме.

— Научусь.

Он сдержал слово. Устроился автомехаником в гараж к Колян — старому знакомому Шнобеля, который держал сервис и торговал краденными запчастями, но к тому моменту почти «отмылся». Первые месяцы Артём работал за еду и жильё, спал в гараже на старом диване. Колян подкармливал, учил, иногда давал деньги.

— Ты умеешь делать из говна конфетку, — сказал однажды Колян, глядя, как Артём перебирает двигатель убитой «десятки». — Это талант. Давай займёмся перепродажами. Покупай битые машины, чини у меня в гараже, продавай. Навара — половина тебе.

Артём согласился. Это был шанс начать честную жизнь. Он купил свой первый автомобиль — разбитый Ford Focus 2003 года за сорок тысяч, потратил три недели и пятнадцать тысяч на запчасти, привёл в идеальное состояние. Продал за сто десять — первому покупателю.

В тот вечер он сидел в гараже, пересчитывая деньги — пятьдесят пять тысяч чистыми. Мать он отдал тридцать. Остальное спрятал в кружку «Лучший папа». И подумал: «А ведь я могу собрать миллион. И уехать. В Америку».

Мечта стала целью.

Глава 9. Первый миллион (путь к Америке)

Следующие три года Артём работал как проклятый. Днём — в гараже Коляна, ремонт чужих машин. Ночью — в том же гараже, ремонт своих «инвестиционных» автомобилей. Спал по четыре-пять часов, питался бутербродами и энергетиками. Экономил на всём — даже сигареты покупал самые дешёвые.

Его коньком стали машины с неочевидными проблемами — те, которые можно было починить за копейки, продав за тысячи. Он знал все болячки каждой марки, каждого двигателя. Мог по звуку определить, стучат гидрокомпенсаторы на холодную или пора менять цепь ГРМ.

Он собирал базу данных — ноутбук с таблицами, где были вписаны все ремонты, все продажи, все покупатели. За три года он перегнал через руки сорок семь машин. Общий оборот — около трёх миллионов рублей. Чистая прибыль — миллион двести тысяч.

Но большую часть он тратил — на мать (ремонт в квартире, лекарства), на Коляна (аренда гаража, «откаты»), на жизнь. В заветной кружке скопилось четыреста тридцать тысяч — чуть меньше половины.

Он не отчаивался. Потому что знал: следующая сделка может принести сто, двести, триста тысяч. Нужно только найти правильную машину.

Однажды он нашёл её. BMW X3 E83 2006 года, дизель, цена на Авито — двести пятьдесят тысяч. Объявление выглядело как ловушка — слишком дёшево. Но Артём позвонил. И услышал голос, который изменил всё.

Голос девушки. Слишком спокойный. Слишком холодный.

— Приезжайте. Рязанский проспект, дом 42. С собой наличка.

Артём взял с собой Романа — старого друга, который после колонии работал на стройке и не лез в криминал. И поехал.

Именно там, в промозглое осеннее утро, он увидел её. Рыжие волосы, тугой пучок. Синяки под глазами. Дешёвая куртка. И страх, который она так отчаянно пыталась скрыть.

— Двести двадцать пять, — сказала она, протягивая ключи. — Пожалуйста.

Артём отсчитал деньги. И почувствовал, что этот день изменит его жизнь навсегда.

Книга вторая. ПОГОНЯ

Глава 1. Странная сделка

1.

Осень 2019 года выдалась мерзкой. Дождь лил третью неделю подряд, не переставая ни на час, превратив Москву в болото. Артём сидел в своём «Фольксвагене Пассат В5», который держал как запасной, и листал ленту Авито на стареньком планшете. Навигатор показывал 9:47 утра. Он уже выпил две чашки растворимого кофе из термоса и съел пирожок с капустой, купленный в ларьке у метро.

Жизнь перекупщика — это скука вперемешку с адреналином. Семьдесят процентов времени ты сидишь в машине, листаешь объявления, ищешь золото в грязи. Двадцать процентов — торгуешься, сбивая цену до грани разумного. Десять процентов — ремонтируешь в гараже, и только один процент — чувствуешь тот самый кайф, когда продаёшь машину в два раза дороже, чем вложил.

За последний месяц он продал три машины — «Шкоду Октавию» с убитой подвеской, которую восстановил за двадцать тысяч; «Хёндэ Солярис» после лёгкого ДТП (заменял бампер, крыло, фару); и «Ниссан Теану» с гнилым порогом (вырезал, заварил, зашпаклевал, покрасил — в гараже у Коляна, с помощью Коляна). Навар составил сто пятьдесят тысяч. Пятьдесят он отдал Коляну за аренду и помощь. Тысячу — матери на лекарства. Остальное — в кружку «Лучший папа» на кухне.

Кружка тяжелела. В ней лежало четыреста тридцать тысяч. До миллиона не хватало много. Но если взять три таких месяца — и можно покупать билет. А если повезёт с одной жирной сделкой — то и раньше.

Артём пролистывал объявления механически, на автомате. Его глаз цеплялся за ключевые слова: «срочно», «торг», «бит», «не на ходу», «требуется ремонт». Он искал недооценённые машины, которые можно быстро привести в порядок. BMW, Audi, Mercedes — их любили, за них платили. Но и убивали их чаще.

Внезапно его палец замер.

«BMW X3 E83 2.0d 2006. Срочно. Торг. Не бита, не крашена. Всё работает. Цена 250»

Он перечитал объявление три раза. 250 тысяч за живую X3 с дизелем? Рыночная цена в приличном состоянии — 650–700. Даже в убитом — 350–400. 250 — это цена запчастей. Или машина в угоне, или документы липовые, или двигатель рассыпается.

Но объявление было написано грамотно, без ошибок. Фотографии — хорошего качества, кузов мытый, салон чистый. Правда, на двух фото он заметил несовпадение оттенка на правом крыле и водительской двери — перекрас. Но не криминал. Возможно, просто косметика.

Артём решил звонить.

Длинные гудки. На пятом — ответили. Женский голос, молодой, очень спокойный. Настолько спокойный, что это было подозрительно. Обычно продавцы либо суетятся («машина отличная, торг уместен, приезжайте скорее!»), либо агрессивны («чего звонишь, если не готов купить?»). Здесь была стерильная тишина.

— Алло, — сказала девушка.

— Доброе утро. По поводу BMW X3, цена 250. Машина на ходу?

— На ходу.

— Документы в порядке?

— В порядке.

— Почему так дёшево?

Пауза. Секунда, две, три. Артём услышал, как она сглотнула.

— Нужны деньги. Срочно.

— Понятно. Когда посмотреть?

— Сегодня. В любое время. Я во дворе.

— Диагностику можно сделать?

— Какую?

— Компрессию померять, на яму загнать, посмотреть подвеску.

— У меня нет ямы.

— Я свою возьму. Домкраты, эндоскоп.

Снова пауза. На этот раз длиннее.

— Приезжайте. Рязанский проспект, дом 42. Только без диагностики. Или берите, или нет.

Артём нахмурился. Это было странно. Обычно продавец заинтересован в диагностике — она подтверждает, что машина в порядке. А если отказывается — значит, есть что скрывать. Мотор умирает? Коробка сыпется? Или хуже — битая по серьёзному, геометрия нарушена?

— Хорошо, — сказал он. — Приеду через час.

Он набрал Романа.

— Рома, ты сегодня работаешь?

— Выходной. А чё?

— Надо со мной съездить на просмотр. Одна баба продаёт X3 за двести пятьдесят. Что-то мутное.

— Думаешь, подстава?

— Не знаю. Но лучше перестраховаться. Ты здоровый, авторитетный. С тобой спокойнее.

— Лады. Где встречаемся?

— У метро «Выхино». Через сорок минут.

Он завёл двигатель. «Пассат» чихнул, завёлся, на табло загорелась ошибка по лямбда-зонду. Артём мысленно отметил: «Надо заменить, через пару тысяч пробега чек загорится постоянно». Но сейчас было не до этого.

По пути он прокручивал в голове возможные варианты. Машина могла быть в угоне — тогда он потеряет деньги и получит проблемы с полицией. Могла быть залоговой — банк изымет. Могла быть с перебитыми номерами — уголовка. Но чутьё подсказывало: дело не в машине. Дело в голосе.

Голос был слишком правильным. Слишком спокойным для человека, который продаёт последнее.

Он подъехал к метро, забрал Романа. Рома был в старой армейской куртке, с квадратной челюстью и бычьей шеей. После общей юности он не сдал Артёма ментам — выдержал допросы, взял вину на себя по мелочи, за что получил условный срок. Они остались друзьями. Рома работал на стройке прорабом, был женат, имел двоих детей, но всегда находил время для Артёма.

— Ну, показывай свою тачку, — сказал Рома, залезая в салон.

— Не мою. Той бабы.

— Красивая?

— Не разглядел по голосу.

— А я по голосу определяю. Если голос бархатный — значит, красивая. Если хриплый — старая и злая.

— Заткнись и поехали.

Рязанский проспект — широкая, шумная артерия, застроенная панельными девятиэтажками. Артём нашёл дом 42. Это был двор-колодец, замкнутый, с клумбой посередине и ржавыми качелями. Машина стояла у третьего подъезда — серая ХЗ, м-спорт пакет, литые диски, никакой видимой ржавчины. Артём сразу отметил: состояние кузова — на четвёрку с минусом. Царапины, сколы, но не гниль. Дворники старые, но омывайка есть.

Девушка стояла в двух шагах от машины. Лет двадцать-двадцать два. Рыжие волосы собраны в тугий пучок, под глазами тёмные круги — не от макияжа, а от бессонницы. На ней — чёрная старая куртка «Адидас», потёртые джинсы, кроссовки без шнурков. Ни косметики, ни украшений, ни сумки. Только ключи в руке.

Артём вышел из машины, Рома за ним. Девушка не улыбнулась, не поздоровалась. Просто кивнула в сторону ХЗ.

— Вот. Смотрите.

Артём обошёл машину. Открыл капот — двигатель М47 дизель, 163 лошади. Снаружи — чисто, мыто, но он знал, что дизели любят коптить. Потрогал патрубки — новые. Турбина — оригинал, судя по бирке, но пыльник потрескавшийся.

— Можно завести?

Девушка кивнула. Артём сел в водительское кресло — обивка кожаная, потёртая, но без дыр. Замкнул зажигание, подождал, пока прогреются свечи накала. Двигатель завёлся с полуоборота, работал ровно, без посторонних шумов.

Он дал газу. На трёх тысячах оборотов появился тонкий свист — как будто чайка заболела.

— Турбина свистит, — сказал он, выключая двигатель. — Это лечится? Или замена?

— Не знаю, — ответила девушка, пожав плечами. — Мне говорили, что всё нормально.

— Кто говорил?

— Не важно.

Артём вылез. Открыл багажник — чисто, запаска новая, домкрат, баллонник. Заглянул под днище, насколько мог — видимых протечек масла или топлива не было.

— Можно на яму загнать? Посмотреть подвеску.

— Нет ямы.

— Я привёз домкраты. Пять минут.

— Не надо. — Голос девушки стал твёрже, почти резким. — Или берите, или уходите.

Рома шагнул было вперёд, но Артём остановил его жестом. Он смотрел на девушку в упор. Её лицо оставалось бесстрастным, но пальцы левой руки сжимались в кулак — микро-движение, которое он научился замечать в колонии. Там, когда человек врёт, он всегда выдаёт себя микро-жестами. Сжатый кулак, закушенная губа, частое моргание.

— Ладно, — сказал Артём. — Беру без диагностики. Но цена — двести.

— Двести двадцать.

— Двести.

— Двести двадцать, — повторила она. И добавила тихо, почти шёпотом: — Пожалуйста.

В этом «пожалуйста» было что-то, что сломало сопротивление Артёма. Не мольба, не отчаяние. Какая-то детская беспомощность, которую она пыталась скрыть за маской спокойствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.